

ПОЛКОВОДЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ ФИЛИППА V В ПЕРВЫХ КАМПАНИЯХ СОЮЗНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

В последней четверти III в.¹ в Греции начался конфликт между Этолийской федерацией и Эллинской лигой, известный как Союзническая война (Συμμαχικός πόλεμος, 220–217 гг.). Этолию в этом конфликте поддержали Элида и Спарта. В Эллинскую лигу², образованную в 224 г., входили Македония, Ахейская федерация и некоторые другие государства. Гегемоном лиги был избран македонский царь, сначала Антигон III Досон (229–221 гг.), а после его смерти – Филипп V (221–179 гг.). Вступив на трон в возрасте семнадцати лет, молодой царь сразу же оказался в сложной ситуации. Синедрион эллинских союзников объявил войну Этолии, но, как выяснилось впоследствии, они надеялись вести боевые действия силами македонян. Дело в том, что в политическом плане среди партнеров по Эллинской лиге лидировали Ахейский союз и Македония, причем именно в указанном порядке. Но в военном аспекте безусловное лидерство оставалось за Македонией. Численность и боеспособность ахейской армии далеко не соответствовали уровню армии македонской.

Так, постоянной военной силой Ахейского союза были ἐπίλεκτοι («отборные»), численность которых несколько раз указывает Полибий: 3 тысячи пехоты и 300 всадников (II.65.3; IV.10.2; V.91.6). В кризисных ситуациях собиралось всенародное союзное ополчение, тогда ахейцы могли выставить солидные силы – до 20 тысяч воинов³. Но такие случаи были редкими и для Союзнической войны не зафиксированы. Стратег Ахейского союза мог призвать ополчение нескольких городов, ближайших к театру военных действий (IV.13.1; V.95.7). Основу ахейской армии составляла фаланга гоплитов (IV.61.2; Liv. XXXVIII.29.3 sq.).

Однако в то время как все лучшие армии эллинистического мира уже давно вооружались и организовывались по македонскому образцу, ахейское оружие было устаревшим, фаланга – недостаточно сомкнутой и маневренной. Таковой армия Ахейского союза оставалась до реформ

¹ Все даты в статье – до н. э.

² Некоторая общая литература по Эллинской лиге 224 г.: Самохина Г. С. Панэллинская идея в политике Македонии конца III в. до н. э. // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 107 сл.; Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schacht bei Chaeroneia. Gotha, 1899. Tl. 2. S. 335 ff.; Beloch K. J. Griechische Geschichte. 2. Aufl. Berlin; Leipzig, 1925. Bd. 4. Abt. 1. S. 712 ff.; Larsen J. A. O. Greek Federal States. Their Institutions and History. Oxf., 1968. P. 303–326; Walbank F. W. Philip V of Macedon. Hamden, Conn., 1967. P. 15 f.; idem. A Historical Commentary on Polybius. Oxf., 1957. Vol. 1; Fine J. V. A. The Background of the Social War of 220–217 B. C. // AJPh. 1940. Vol. 61. P. 129–165; Hammond N. G. L., Walbank F. W. A History of Macedonia. Oxf., 1988. Vol. 3. P. 349 ff.

³ Сизов С. К. Ахейский союз. М., 1989. С. 67.

Филопемена в конце III в.⁴ Плутарх сообщает, что прежде всего Филопемен изменил построение войска и вооружение, которые у ахейцев были плохи: у них были в употреблении длинные щиты, тонкие и поэтому очень легкие, а, кроме того, такие узкие, что не прикрывали тела, копья же их были гораздо короче сарисс (*Philop.* 9). Благодаря легкости копий ахейцы могли поражать врагов издали, но в рукопашном бою они были в менее выгодном положении. Построение мелкими отрядами ахейцам было незнакомо; у них было в употреблении построение фалангой, в которой копья не выставлялись вперед и щиты не смыкались, как у македонян; поэтому их легко было сбить с позиции и расстроить. Вдобавок усилилось пренебрежение к дисциплине и вообще к военной службе (см.: *Polyb.* IV.7.7). Как говорит Плутарх (*Arat.* 47), «они и телом ослабели и воинский дух утратили». Любопытен презрительный взгляд этолян на ахейские силы: «напуганное войско Арата убежит и не пожелает сразиться...» (*Polyb.* IV.10.9).

Примечателен в этом отношении факт нападения этолян на Эгипру. Полибий утверждает (IV.57. 3), что некий перебежчик из Этолии, долго живший здесь, заметив, что стража у ворот постоянно пьянствует, осмелился неоднократно переходить к врагам и призвал их к захвату города. Конечно, степень достоверности этих сведений неизвестна, однако такая халатность вполне вероятна, поскольку город имел хорошие естественные укрепления (IV.57.5). Даже если историк сильно преувеличил халатность охраны, то дальнейшие сведения говорят в пользу достоверности его информации. Перебежчик провел отряд лучших воинов по непроходимым тропинкам к городу, в который они проникли по водопроводу. Спящая стража была перебита, а городские ворота открыты основным силам (IV.57.8–9). Подобный инцидент служит доказательством пренебрежения ахейцев к воинской дисциплине.

Стратег Ахейского союза накануне войны и в 217 г. – Арат Старший – к роли командующего войсками на поле сражения был совершенно непригоден (*Polyb.* IV.8.1–6; *Plut. Arat.* 10, 29). Его сын Арат Младший – стратег 219 г. – также ничем выдающимся не прославился, а стратег 218 г. Эперат не пользовался авторитетом в войсках (*Polyb.* V.30.1; 5–6; 91.4–5; *Plut. Arat.* 48). В силу этих обстоятельств становится очевидным, чьими руками намеревались вести войну ахейские вожди.

Македонский царь Филипп V располагал достаточно значительными силами по сравнению со своими союзниками. Уже в первой кампании Союзнической войны, в 219 г., у него было 10 000 фалангитов, 5 000 пельтастов, 800 всадников, а также вспомогательные отряды союзников (*Polyb.* IV.37.7). В целом Македония на протяжении 150 лет, начиная со времени Филиппа II и заканчивая временем Персея, могла выставлять 20–30 тысяч воинов. Известно, что в начале второй римско-македонской войны у Филиппа V было 20 000 человек пехоты и

---

⁴ Рассмотрение военных реформ Филопемена: *Anderson J. K. Philopoemen's Reform of the Achaean Army // CPh. 1967. Vol. 62.2. P. 104–106; Errington R. M. Philopoemen. Oxf., 1969. P. 51–54, 63–65.*

2 000 всадников (Liv. XXXI.34.7). Перед битвой при Киноскефалах в 197 г. царь призвал 16 000 фалангитов, 2 000 пельтастов и 2 000 всадников (часть из них были фессалийцами); одновременно в Коринфе у Филиппа было 1 500 македонян, а сразу после поражения в битве он набрал из македонских городов еще 6 500 человек для отражения нападения дарданов (Liv. XXXIII.4.4; 19. 3). Однако поскольку в ходе Союзнической войны не было возможности организовать крупномасштабное сражение, то, вполне вероятно, не было необходимости в использовании большого числа македонских сил. Ударной силой царской армии были пельтасты – отборные, более маневренные, чем фалангиты, пехотинцы, подобные гипаспистам Александра Македонского⁵. Численность корпуса пельтастов в разное время составляла от 2 000 до 5 000 воинов (Polyb. II.65.2; IV.67.6; X.42.2; Liv. XXXIII.4.4). Из пельтастов формировалась царская «гвардия» – агема⁶. В военном уставе времени Филиппа V есть указание, что агема и отряд пельтастов набирались из состоятельных македонян⁷.

Кроме того, македонские цари использовали вспомогательные войска из иллирийцев, фракийцев и пеонийцев. Однако по большей части остается неизвестным, на какой основе они служили, как союзники или в качестве наемников. Следует принять во внимание и слабую сторону армии Филиппа: она не была рассчитана на участие в затяжной войне (Plut. Tit. 2). Длительное содержание таких сил неблагоприятно сказывалось на экономическом состоянии государства и ставило царя в некоторую зависимость от помощи союзников.

Поскольку, как уже отмечалось выше, на Филиппа V и его армию была возложена вся тяжесть ведения боевых действий против этолийцев и их союзников, представляется необходимым остановиться на полководческих способностях македонского царя. Примечателен тот факт, что первые две кампании – лета 219 и зимы 219/8 г. – коренным образом отличались друг от друга. При этом наши сведения о военных талантах молодого Филиппа весьма скудные. Полибий об этом либо умалчивает, либо говорит общими фразами. Однако из его сообщений следует, что царь лично принимал участие в битвах, как это было в сражении с Ликургом в Спарте в 218 г. (V.23); за военную доблесть и отвагу Филипп почитался своими соратниками (IV.77). Некоторые свидетельства по этому поводу можно найти в сочинении Ливия, который неоднократно восхищался действиями Филиппа V на поле боя. К сожалению, они относятся к более позднему времени. Тем не менее, рассмотрев поведение Филиппа даже в первых операциях Союзнической войны, можно говорить о его незаурядном полководческом таланте.

---

⁵ Griffith G. T. *The Mercenaries of the Hellenistic World*. Cambr., 1935. P. 119, 319; Walbank F. W. *A Historical Commentary...* P. 518; Garlan Y. *Hellenistic Science: Its Application in Peace and War. War and Siegecraft* // САН². Vol. 7.1. 1984. P. 361.

⁶ Кацеев В. И. *Эллинистический мир и Рим*. М., 1993. С. 149 сл.

⁷ Hatzopoulos M. B. *L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides: problèmes anciens et documents nouveaux*. Athènes, 2001. P. 155 (II.1 B v. 1–3; II.2 v. 16–17): ... τοὺς οἰσθαῖς εἰσπορωτέροις καταχωρίζεσσαν εἰς τὸ ἄγημα τῶν Μακεδόνων καὶ τοὺς πελταστάς.

Согласно Полибию (IV.61), летом 219 г. Филипп V со своим войском и эпирским ополчением (παυδῆμαί) прошел через Фессалию в область амбракиотов и осадил хорошо укрепленный (χυρῖον) Амбрак. По версии Полибия, на захвате этой крепости настаивали эпироты (IV.61.5; 8), хотя, как уже отмечалось выше, ахейские интересы требовали вторжения македонян в Этолию (IV.61.3). Осада Амбрака продолжалась более сорока дней (IV.63.2). За это время этолийцы не только совершали набеги на Пелопоннес, но, даже воспользовавшись моментом (κατὰ τὸν καιρὸν τοῦτον), отправили войско под командованием Скопаса в Македонию. Этолийцы разграбили Пиерию и собрали там обильную добычу (IV.62.1–2). Однако этот набег не отвлек Филиппа V и македонян от осады: в результате Амбрак был захвачен и передан эпиротам (IV.63.3).

После этого Филипп переправился около мыса Акция в Акарнанию. Здесь он соединился с акарнанским войском и начал изгонять этолийские гарнизоны из крепостей. Он занял Страт, Метрополь, Конопу, Ифорию, Пеаний, другие крепости (πίρυρος) и, наконец, Эниады (IV.64–65). Вместе с Навпактом этот порт, имевший хорошую гавань, позволял этолийцам контролировать северное побережье Коринфского залива. Царь укрепил акрополь и гавань Эниад, оценив их стратегическое положение. Вслед за этим ему пришло известие из Македонии о готовящемся нашествии дарданов, что вынудило македонского царя тем же путем возвратиться домой (IV.66).

В изложении Полибия хода этой кампании примечательны некоторые факты. Во-первых, ахейцы, вероятно, рассчитывали, что Филипп нападет на Этолию и этим облегчит их положение на Пелопоннесе. Однако, следуя изложению греческого историка, со всей очевидностью становится ясно, что македонские войска медленно, но неуклонно продвигались на юг, так, впрочем, и не совершив нападение на Этолию. Кроме того, следует обратить внимание на то обстоятельство, что когда царь находился около Страта, к нему прибыли ахейские послы с просьбой о помощи (Polyb. IV.64.1–3). Филипп обещал обсудить их предложение, но продолжил операции в Акарнании. В конце лета, возвращаясь в Македонию, царь отпустил послов, обещая оказать ахейцам помощь после устранения угрозы своему царству со стороны дарданов (IV.66.2).

Во-вторых, удивительны последствия упорной осады македонянами Амбрака. Царь более чем месяц осаждал крепость, задержавшую его продвижение на юг, но взяв не оставил ее за собой, а передал эпиротам. Более того, хотя царь знал о разорении Македонии этолийцами, он не поспешил на защиту своих территорий. Это обстоятельство несопоставимо с известием, что Филипп устремился домой, узнав о готовящемся вторжении дарданов. Складывается впечатление, что Филипп больше опасался дарданов, чем этолийцев.

В связи с вышесказанным, исследователи неоднозначно оценивают цели македонского царя в ходе летней кампании 219 г. По одной

из версий⁸, Филипп V намеренно не торопился с нападением на Этолию, так как следил за событиями, разворачивающимися в Иллирии⁹, где римляне воевали против Деметрия Фарского¹⁰. Однако эта версия имеет существенные недостатки. Во-первых, едва ли стоит придавать большое значение римскому фактору в политике македонского царя в то время. Это были первые шаги римлян на Балканском полуострове, причем непосредственно Македонию они не затрагивали. Во-вторых, римляне в то время основное внимание сосредоточили на своих внутренних проблемах, ведя войну с Ганнибалом. В связи с вышеизложенным можно заметить, что иллирийские события могли вызвать некоторый интерес соседей, но весьма сомнительно, чтобы они уже в то время почувствовали угрожающую мощь римской военной машины.

Известно также, что поворот в политике Филиппа V, его честолюбивые замыслы в отношении Рима, проявились гораздо позднее, как считается, под влиянием¹¹ находившегося некоторое время при македонском дворе Деметрия Фарского (Polyb. V.101–102). Следует принять во внимание и то обстоятельство, что даже опытный командующий не может позволить себе специально затягивать военные действия, ожидая сведений, не имеющих отношений к данной войне. А молодой македонский царь фактически впервые выступал в роли полководца и должен был быть предельно осторожен, поддерживая свой авторитет у союзников.

Согласно другой точке зрения¹², Филипп был задержан в Акарнании слишком упорным сопротивлением этолян. Но эта версия явно противоречит сообщениям Полибия: Метрополь и Эниады были взяты без боя, оставленная гарнизоном Ифория сравнительно легко занята и разорена, переправу через реку у Конопы охраняла этолийская конница, но она отступила после удара македонских пельтастов (Polyb. IV.64–65). Эти факты позволяют утверждать, что, за исключением осады Амбрака, продвижение македонян было сравнительно легким. Можно также напомнить о том обстоятельстве, что оставленные в Акарнании этолийские гарнизоны едва ли могли рассчитывать на помощь из Этолии. Как указал Полибий (IV.62), пока Филипп осаждал Амбрак, этолийское ополчение было занято разорением земель на Пелопоннесе и в Македонии. Таким образом, отсутствие этолийских войск в Акарнании

---

⁸ Большое значение этому придавал У. Тарн (*Tarn W. W. The Greek Leagues and Macedonia* // *CAH*. Vol. 7. 1928. P. 765); см. также: *Walbank F. W. Macedonia and the Greek Leagues* // *CAH*². Vol. 7. 1. 1984. P. 477.

⁹ Так называемая вторая Иллирийская война (219 г.), закончившаяся поражением и изгнанием Деметрия Фарского из его владений и установлением римского протектората в этом регионе. См.: Polyb. III.16.7; 18–19; IV.66.4.

¹⁰ *Fine J. V. A. Macedon, Illyria, and Rome, 220–219 B. C.* // *JRS*. Vol. 26.1. 1936. P. 35.

¹¹ О дурном влиянии Деметрия Фарского на Филиппа V см.: Polyb. V.12.5 sqq.; VII.13 sq.; ср.: *Plut. Arat* 50.

¹² *Ferrabino A. Il problema dell'unita nazionale nella Grecia Antica. I. Arato di Sicione e l'idea federale.* Firenze, 1921. P. 156. А. Феррабино возразил Ф. Уолбанку (*Walbank F. W. Aratus of Sicyon.* Cambr., 1933. P. 131. Note 1).

и, как следствие этого, невозможность организации крупного сопротивления позволили Филиппу достаточно быстро продвинуться на юг. В пользу быстрого продвижения македонян говорит и временной фактор¹³.

Гораздо большего внимания заслуживает предположение Ф. Уолбанка, что целью Филиппа было укрепление македонского влияния на западном побережье Греции и установление более легкого пути из Македонии на Пелопоннес¹⁴. Действительно, македонский царь постепенно освобождал западные земли от этолийцев. При этом он даже не отреагировал на нападение Скопаса на Македонию. Тем не менее, и тезис о закреплении македонян в западном регионе вызывает некоторые возражения. Во-первых, македонский царь не оставил здесь свои гарнизоны, даже в Эниадах, стратегическое положение которых он по достоинству оценил. Во-вторых, потратив сорок дней на осаду Амбрака, Филипп не оставил за собой эту важную крепость, а передал ее эпиротам (Polyb. IV.63.3).

Также остается без ответа вопрос: почему Филипп так и не оказал помощи ахейцам, хотя освободил западный путь на Пелопоннес? Конечно, некоторую роль могло сыграть отсутствие флота для переброски войск. Однако, сомнительно, что это оказалось решающим фактором для македонского царя: во-первых, можно было бы воспользоваться ахейскими кораблями; во-вторых, если переправа планировалась с самого начала, то сюда имели бы возможность подойти македонские транспортные суда. Кроме того, несложность конструкции античных судов делала постройку кораблей сравнительно простой, а сроки постройки могли быть в случае надобности очень краткими, находясь в прямой зависимости от количества рабочих рук. Известны примеры создания целого военного флота в течение одного-двух месяцев¹⁵, так что построить транспортные суда можно было еще за время осады Амбрака.

Столь же примечательно и завершение первой кампании Союзнической войны. Все операции были свернуты Филиппом при известии, что на границах Македонии якобы собираются войска дарданов (Polyb. IV.66.1–2). Причем Полибий пишет о совсем нехарактерном для дарданов поведении. Этот воинственный народ, неоднократно тревоживший македонские земли, обычно приходилось изгонять силой и наносить ответные удары по их территории. А в этот год они, активно готовясь к вторжению, распустили войска, так и не совершив нападе-

---

¹³ Поход начался ранним летом, поскольку за время отсутствия Филиппа этолийцы под командованием Скопаса уничтожили хлеб на полях Пнерии (καὶ τὸν τε αἶτον ἐπιπορεύμενος τὸν κατὰ τὴν Πνερίαν ἔφθειρε – Polyb. IV.62.2). Осада Амбрака заняла более сорока дней (IV.63.2). Домой войска Филиппа вернулись во время уборки урожая (IV.66.7). Ф. Уолбанк полагает, что это происходило в июле (Walbank F. W. A Historical Commentary... P. 521).

¹⁴ Walbank F. W. Philip V... P. 38 ff.

¹⁵ Плиний сообщает, что флот консула Дуилия, принесший римлянам победу при Милах (260 г.), был построен за 60 дней, считая с момента валки корабельного леса. Гieron II Сиракузский (269–214 гг.) затратил на сооружение флота из 220 судов 45 дней (Plin. Nat. hist. XVI.192).

ния, напуганные одной вестью, что Филипп уже вблизи Македонии (IV.66.1; 6). При этом поспешные действия македонского царя при получении известий о военных приготовлениях дарданов совершенно противоположны его реакции на разорение македонских земель этолийцами в начале лета 219 г. Тем более, что военный сезон был далек от завершения: едва ли свертывание похода было связано с приближением конца лета.

Надо полагать, Филипп в этом походе руководствовался несколько иными задачами, чем те, что предлагает нашему вниманию Полибий. Молодой царь занимал также должность гегемона Эллинской лиги¹⁶. В этом качестве он и вступил в войну, подчиняясь общему решению союзников. Стоит вспомнить, что у македонских царей всегда были планы по расширению сферы влияния в Греции. И хотя в это время Филипп V находился под сильным влиянием стратега Ахейского союза Арата (Plut. *Arat.* 46–48) и только начинал свои самостоятельные дипломатические и государственные шаги, скорее всего, такие планы у него уже существовали или же они зародились в ходе этой кампании.

Поэтому, воздерживаясь от категорических заявлений, можно предположить, что действия македонского царя в Акарнании, вероятно, в большей степени объясняются его неопытностью: летом 219 г. Филипп V только попробовал себя в качестве полководца. Неуверенность молодого предводителя, нежелание скомпрометировать себя, не позволили ему пуститься в рискованные мероприятия. Напротив, он показал и врагам, и союзникам, что не окажется марионеткой в руках ахейцев и не позволит использовать македонское войско иначе, чем в собственных интересах. В этом походе Филипп планомерно создавал плацдарм для будущих действий, не обостряя отношения с союзниками размещением своих гарнизонов на освобожденных от этолийцев территориях. В то же время Филипп, не желая открытого конфликта с ахейцами и не собираясь участвовать в авантюре с вторжением в Этолию, сначала затягивал переговоры с ахейскими послами, а затем использовал благовидный предлог для возвращения на родину. В таком случае вполне допустимо предположение, что никакого вторжения дарданов не готовилось вовсе. Царю был нужен весомый аргумент для отклонения планов ахейцев, и он удачно привел его.

Рассмотрев первые боевые операции Союзнической войны, можно отметить, что уже в ее начале македонский царь успешно продемонстрировал нежелание быть марионеткой в руках ахейцев. Как политик он заботился о своих интересах, привлекал к себе союзников по лиге, подчеркивал приверженность идеям «Общего мира». Как полко-

---

¹⁶ По свидетельству Полибия (II.54.4), осенью 224 г. при создании Эллинской лиги македонский царь Антигон III Досон был *κατασταθεὶς ἡγεμὼν ἀπάντων τῶν σιδικῶν*. Из источников ничего не известно о выборах нового гегемона после смерти Досона. Сам Филипп V, вероятно, рассматривал эту должность как наследственную. Возможно, произошло то же, что в свое время с Александром Великим после смерти Филиппа II, когда сила македонского оружия заставила греков считаться с желанием македонского царя. См.: Сивкина Н. Ю. К вопросу о наследовании должности гегемона в Эллинской лиге 224 г. до н. э. // Материалы IX чтений памяти проф. Н. П. Соколова. Н. Новгород, 2004. С. 57–59.

водец он показал себя осторожным и неторопливым. Хотя его шаги были достаточно успешными с военной точки зрения, вероятно, эти качества, а также отказ в предоставлении помощи основному союзнику перевесили его победы и породили среди греков ложное представление о нем, как о слабом лидере. Однако следующая кампания опровергла сложившееся мнение и показала Филиппа V совершенно в ином свете.

Появления македонских сил в Греции в разгар зимы 219/8 г. никто не ожидал. Филипп прошел через Фессалию, Эвбею¹⁷, Беотию¹⁸ в Коринф (Polyb. IV.67.7). Оттуда он послал приказ ахейскому стратегу о сборе ополчения в Кафиях (IV.67.8). Соединившись с ахейцами, Филипп подошел к Псофиде. Это место считалось одним из самых неприступных в Аркадии. Тем не менее, царь не только решился на штурм города, но и успешно провел эту операцию. Защитники были вынуждены отступить на акрополь, однако, ввиду неподготовленности к осаде пошли на переговоры о сдаче. Филипп позволил им покинуть город, этолийский полководец Еврипид вернулся на родину, а Псофида была передана Ахейскому союзу (IV.70–72).

Дальнейшие события развивались достаточно стремительно. При приближении царя, элейцы покинули Ласион; македоняне взяли город с набега и передали его ахейцам (IV.73.1–2). Захватив Страт, также покинутый защитниками, царь передал его телфусцам (IV.73.2). Вторжение в Элиду принесло обильную добычу, в том числе большое число пленных (IV.73.4–75).

Следующие операции развернулись южнее Элиды, в Трифилии. Этоляне направили сюда нового стратега – Филлида, который имел в своем распоряжении войско из этолийских и элейских граждан, а также наемников (IV.77.6–7). Основной удар был нанесен македонянами по Алифере, хорошо укрепленному месту. Повторился сценарий захвата Псофиды. Македоняне завладели городом, потом последовали переговоры с защитниками акрополя и сдача города при условии неприкосновенности осажденных (IV.78.13). После этого жители Лепрей поднялись на борьбу с этолянами и отправили посольство к македонскому царю с предложением сдать ему город. Затем в течение шести дней Филипп завладел всеми городами Трифилии. Этолийский стратег Филлид был вынужден оставить эти земли (IV.80).

Одновременно провалилась попытка захвата этолянами Фигалеи (IV.79.6–8). Жители ее также решили сдаться царю: к городу было направлено войско во главе с македонским стратегом Таврионом (IV.80.3). На этом боевые действия прекратились. Остаток зимы Филипп провел в Аргосе (IV.87.13).

Изложение хода этой кампании весьма примечательно. Удивительно уже то, что Филипп решился на зимнюю кампанию, хотя погода

---

¹⁷ Так прежде поступил Антигон Досон в 224 г.; Филипп должен был прибыть через Эвбею, чтобы избежать прохода через контролируемые этолийцами Фермопилы и сохранить тайну (см.: *Walbank F. W. A Historical Commentary... P. 522*).

¹⁸ Факт прохода войск Филиппа V через Беотию Ф. Уолбанк не рассматривает как доказательство ее участия в войне (*ibid. P. 523*).

не благоприятствовала военным действиям. Полибий (IV.70.1) указывает, что македонянам пришлось преодолевать снежные метели и перевалы. Царь прибыл в Коринф ко времени зимнего солнцестояния (IV.67.7). Погода в это время была очень холодная (III.72.3), что вполне естественно для середины декабря¹⁹, поэтому появление Филиппа на Пелопоннесе было неожиданным и для друзей, и для врагов (IV.68–69). Такой тип кампании не применялся со времен Александра Великого²⁰. Вероятно, воспитанный на его примере²¹ Филипп V отважился применить полученные знания на практике, что принесло успех всей операции.

Выбор зимнего времени для начала кампании оправдал себя не только в плане внезапности, но и в связи с проблемой содержания армии. Во все времена считалось удачным обстоятельством, если войско содержится за счет врага²². Зимняя кампания как нельзя лучше способствовала этому, поскольку урожаи уже были собраны. Обилие захваченной македонянами добычи подчеркивает и Полибий (IV.73.4–5; 74.7–8; 77.5). Примечательно, что вся упомянутая добыча была получена, главным образом, на земле Элиды. Когда же речь идет о Трифилии, не встречается ни одного упоминания о разорениях подобного типа. Вполне вероятно, что македонский царь не допустил грабежа территорий, которые планировал поставить под македонский контроль и дружественное отношение жителей которых ему требовалось приобрести.

Вторая особенность данного похода – его стремительность, опять же в духе действий Александра Македонского в 335 г. Даже, как подчеркнул Плутарх, редкостная стремительность (*Arat.* 48). Маршрут Филиппа V описан Полибием (IV.67–80). Выйдя из Коринфа, Филипп остановился во Флиунтской области, затем мимо Стимфала прошел к Псофиду; после его штурма, а также захвата Ласиона и Страта он прибыл в Олимпию, опустошил земли Элиды и двинулся на юг через Телфусу и Герею в Трифилию; подчинив города этой области, царь отправил отряд Тавриона в Фигалею, а сам вернулся в Мегалополь. На этом кампания завершилась. Таким образом, можно сказать, что царь обошел половину Пелопоннеса, включая осады и штурмы городов, а также разорение земель противника, примерно за месяц. Если полагаться на Полибия, то начало операции следует отнести к зимнему солнцестоянию (вторая половина декабря), а ее окончание к середине зимы (μέσση χειμῶνος – IV.80.16).

---

¹⁹ По юлианскому календарю, зимнее солнцестояние приходится на 25 декабря, по Гиппарху – на 17 декабря (см.: Мищенко Ф. Г. Комментарии [ad III.72.3] // Полибий. *Всеобщая история*. СПб., 1994. Т. 1. С. 345). Н. Хэммонд называет 22 декабря (Hammond N. G. L., Walbank F. W. Op. cit. P. 376).

²⁰ Cary M. A History of the Greek World from 323 to 146 B. C. L., 1932. P. 166.

²¹ Павсаний говорит (VII.7.5), что Филипп V подражал действиям Филиппа II, включая его в число своих предков. Однако можно предположить, что речь шла об Александре.

²² Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975. С. 162.

Характерно сравнение с летней кампанией 219 г. Филипп выступил из Македонии вероятно в начале лета²³, потратил 40 дней на осаду Амбрака, потом переправился около мыса Акция в Акарнанию. Здесь он соединился с акарнанским войском и начал изгонять этолийские гарнизоны из крепостей. Царь занял Страт, Метрополь, Конопу, Ифорию, Пеаний, другие крепости и, наконец, Эниады (IV.64–65). Вслед за этим, пришло известие из Македонии о готовящемся нашествии дарданов, что вынудило македонского царя тем же путем возвратиться домой (IV.66). Однако, узнав, что дарданы передумали, он распустил войско для уборки жатвы²⁴, а сам оставшуюся часть лета провел в Фессалии. Хотя неизвестно, сколько именно длилась эта кампания, тем не менее, она, вероятно, заняла чуть менее трех месяцев.

Налицо явное отличие в скорости передвижения войск во время двух рассмотренных кампаний. Зимой 219/8 г. в неблагоприятных условиях македонская армия действовала успешнее, чем летом. Вполне вероятно, немалую роль в этом играл элемент неожиданности и внезапности. Противник не ожидал, что молодой царь, слабо проявивший себя в начале войны, окажется способным не только преодолевать природные трудности, но и отважится на штурм городов, считавшихся хорошо укрепленными. Возможно, недооценка Филиппа восходит к греческим представлениям о том, что командовать войском в восемнадцать лет – это нелепость, так как гражданин способен занимать такие должности, лишь достигнув тридцатилетнего возраста²⁵. Отсюда вытекают высказывания о царе как о некомпетентном молодом человеке (Polyb. IV.24.1–3; V.12.5; 16.2; 18.6; 26.4; Just. XXIX.1.10), хотя Полибий время от времени вынужден признавать и его способности (IV.77.1; 82.1; V.18.7; 29.2).

Третья характерная черта зимних военных действий Филиппа V в 219/8 г. заключается в использовании им гораздо меньших сил, чем в первые месяцы войны. Летом у македонского царя было 10 тысяч фалангитов, 5 тысяч пельставов и 800 всадников (IV.37.7). Кроме того, он располагал ополчением из Эпира, 300 пращниками из Ахайи и 500 критянами-наемниками (IV.61.2). Конечно, точное число эпиротов неизвестно, *παυδρηαί* – явное преувеличение. Но для выяснения их численности в армии Филиппа V можно привлечь другие данные. Так, в войске Антигона Досона в Клеоменову войну находилась одна тысяча пехотинцев и 50 всадников из Эпира (II.65.4); ровно столько же предоставили царю и акарнаны. В ходе же летней кампании 219 г. Филипп V получил от акарнанов 2 тысячи пехотинцев и 200 всадников (IV.63.7). Расхождение весьма существенное²⁶, если учесть, что во вре-

²³ Поход Скопаса в Македонию, по мнению Н. Хэммонда, состоялся в начале лета; Ф. Уолбанк считает, что вторжение началось уже после ухода Филиппа в Эпир (Hammond N. G. L., Walbank F. W. Op. cit. P. 375; Walbank F. W. A Historical Commentary... P. 515).

²⁴ По мнению Ф. Уолбанка, сбор урожая имел место в июле (A Historical Commentary... P. 521), хотя конец лета (*ὀπίρας συγκομιδῆν* – Polyb. IV.66.7) мог означать и август.

²⁵ Hammond N. G. L., Walbank F. W. Op. cit. P. 381.

²⁶ Весьма спорным представляется вопрос, существовал ли в Эллинской лиге точный список государств с указанием размеров их контингентов, как это было в Коринфской лиге Филиппа II (основная литература для Коринфских союзов 338 и 302 гг.: SVA. III. 403 1a; 403 1b; 403 II; 446; Wilcken U. Beiträge zur Geschichte des Korinthischen Bundes //

мя боевых действий какая-то часть акарнатов должна была оставаться дома. Вероятно, что в случае с Эпиром ситуация выглядит сходным образом. Поэтому не будет, вероятно, большим преувеличением предположить, что они предоставили Филиппу около 2 тысяч человек. Таким образом, в распоряжении македонского царя находилось примерно 18–19 тысяч воинов.

Что касается зимних боевых действий в 219/8 г., то известно, что царь пришел на Пелопоннес, имея в распоряжении 3000 халкаспидов («меднощитные»), 2 000 пельтастов, 300 критян и 400 всадников (Polyb. IV.67.6). Иными словами, знаменитую македонскую фалангу полностью он не использовал. Это обстоятельство выглядит вполне логичным, так как боевых действий на открытой местности не ожидалось, а на горных перевалах и при штурме крепостей, расположенных на возвышенностях, фаланга была бесполезна. Филипп V в данном случае сделал ставку на мобильные силы, и она вполне оправдала себя.

Вспомогательные войска царь потребовал у союзника – Ахейской федерации. Он отправил приказ о сборе ахейского ополчения (IV.67.8). Соединение царских войск с ним произошло у Кафий (IV.70.2). О том, что это было именно ополчение, говорят некоторые обстоятельства. Всю предыдущую кампанию Арат Младший вел себя пассивно, так как безуспешно пытался набрать наемников; о созыве ополчения объявлено не было²⁷. Соответственно боевые действия стратег ахеян не вел.

SB. München. 1917. Abh. 10. S. 3–40; *idem*. Zu der epidaurischen Bundesstele vom J. 302 v. Chr. // SB. B., 1927. Abh. 26. S. 277–301; Heuss A. Antigonos Monophthalmos und die griechischen Städte // Hermes. 1938. Bd. 72. S. 133–194; Ferguson W. S. Demetrius Poliorcetes and the Hellenic League // Hesperia. 1948. Vol. 17.2. P. 112–133; Ryder T. T. B. Koine Eirene. General Peace and Local Independence in Ancient Greece. Oxf., 1965. P. 102–115, 150–162; Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Oxf., 1979. Vol. 2. P. 631 ff.; Perlman S. Greek Diplomatic Tradition and the Corinthian League of Philip of Macedon // Historia. 1985. Bd. 34. P. 153–174; Billows R. A. Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. Berkeley etc., 1990. P. 220 ff.; Jehne M. Koine Eirene. Stuttgart, 1994. S. 139–268; Hammond N. G. L. Philip of Macedon. Baltimore, 1994. P. 155–177; Фралов Э. Д. Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э. и объединение Элады // ВДИ. 1974. № 1. С. 45–62.; *его же*. Панэллинизм в политике IV века до н. э. // Античная Греция. М., 1983. Т. 2. С. 157–207; Кондратьев М. А. Коринфская лига и ее роль в политической истории Греции 30–20-х гг. IV в. до н. э. // ВДИ. 1977. № 2. С. 25–42). Ситуация за столетие существенно изменилась. Логичнее всего предположить, что поскольку гегемон в союзе 224 г. мог созывать общесоюзное войско, то именно он и должен был определять размер этого войска. Но у Полибия нет ссылки на существование каких-либо точных данных (V.17.9): Филипп разослал по союзным городам вестников, назначив день, в который должны были явиться все союзники с оружием в руках. В другом пассаже (V.20.1) указан размер мессенского войска, посланного Филиппу в ответ на этот приказ, но нет свидетельства, что они заранее знали, сколько обязаны выставить воинов. В нашем распоряжении есть лишь разрозненные сведения о количестве предоставленных сил союзников в битве при Селасии в 222 г. (II.65.4), в битве при Кафиях (IV.10.2), в ходе Союзнической войны (IV.61.1; 63.7). Во всех приведенных фрагментах наблюдается явная несогласованность в цифрах. Поэтому, вероятно, ближе к истине утверждение об отсутствии четкого единого списка союзных войска. Вероятнее всего, государства-участники лиги посылали в ответ на приказ гегемона требуемое им количество солдат, но чаще всего предоставляли столько воинов, сколько могли отправить без ущерба для защиты собственного государства.

²⁷ О военном призыве должен был позаботиться стратег Ахейского союза, тем не менее, этолийские вторжения показали, что такими силами Арат Младший не располагал. Видимо, он полагался на граждан тех полисов, которые оказались в зоне боевых действий. Такая практика существовала (Polyb. IV.13.1; V.95.7), но ее нельзя назвать оправдан-

Теперь же в кратчайшие сроки ему удалось набрать внушительное число солдат. Едва ли ситуация с наемниками изменилась. Полибий утверждает, что общее число воинов под командованием Филиппа после объединения возросло до 10 тысяч человек, т. е. Арат привел примерно 4 тысячи воинов. Таким образом, в зимней кампании 219/8 г. было задействовано почти в два раза меньше людей, чем в летней кампании 219 г., но при этом она была гораздо успешнее.

Даже обладая меньшими силами, у македонского царя зимой 219/8 г. было существенное преимущество над врагами. Численность этолийских сил была совершенно незначительной. Первое столкновение с отрядом Еврипида произошло недалеко от Стимфала еще до соединения сил союзников. Этолийский отряд насчитывал около 2 200 человек (IV.68.1) против 5 600 македонян. В битве за Трифилию этолийские войска возглавил Филлид, в его распоряжении было 600 этолийских солдат, 500 наемников, одна тысяча элейцев, а также некоторое число тарентинцев. Однако Филлид разделил силы: элидыне защищали Лепрей, наемники – Алиферу, а сам он с оставшимися силами находился в Типанеях (IV.77.7).

Вероятно, появление македонского царя на Пелопоннесе застало этолян врасплох. Филипп воспользовался их собственной тактикой, нанося быстрые удары и разоряя вражеские земли. Этоляне продемонстрировали полную неготовность к таким действиям, их не ожидали от македонян. Города, подвергшиеся атаке царских войск, не были готовы к осаде. Так, например, Псофид считался хорошо укрепленным опорным пунктом элидян (IV.71.2; 5). Однако никто не помешал царю даже переправиться через Эриманф (IV.71.4), а на акрополе не оказалось οὐδεμίᾱς οἰκίᾱ παρασκευῆς ὑπαρχούσης, т. е. «орудий борьбы», как говорит Полибий (IV.72.2). В итоге город был захвачен. Этоляне проявили мало заботы о своих союзниках. Вероятно, основная причина случившегося кроется в недооценке ими молодого македонского царя.

Следующий аспект, который также необходимо рассмотреть, касается тактики македонян. Примечательно, что из всех перечисленных выше захваченных пунктов на Пелопоннесе серьезное сопротивление могли оказать только два города – Псофид и Алифера в Трифилии. Зимняя кампания, соответственно, как бы распадается на два этапа.

Первой целью македонян был Псофид. Его укрепления считались неприступными. С запада к городу было невозможно переправиться через стремительный горный поток, с востока его защищал быстрый Эриманф, с юга – приток этой же реки. Северная сторона города представляла собой крутой холм, обведенный стеной. Псофид был окружен превосходными укреплениями и имел выгодное стратегическое положение, угрожая и ахеянам, и акарнанами (IV.70.6–71.2). Тем не менее, Филипп решился на штурм, который увенчался успехом. После этого остальные города сдались сами (IV.73–74).

Второй удар царских войск пришелся на Алиферу. Она была расположена на обрывистом со всех сторон холме; подъем к городу со-

---

ной в условиях начавшейся масштабной войны. Набор же наемных сил вызвал серьезные трудности, поскольку ахеяцы не расплатились с ними полностью за участие в Клеоменовой войне (IV.60.2).

ставлял более 10 стадий, т. е. чуть меньше 2 км²⁸. На вершине находилась крепость (IV.78.3). Но и эту высоту македоняне взяли приступом (IV.78.11). Остальные крепости Трифилии предпочли сдаться царю (IV.79–80). Более того, жители Лепрей даже поднялись на борьбу с этолийским отрядом, находившимся в городе (IV.80.4), так что войны были вынуждены покинуть его при известии о приближении македонского царя (IV.80.5). Таким образом, избранная Филиппом тактика – нанесение основного удара по наиболее сильной крепости – обеспечила ему психологическую победу над противником. Царь показал себя талантливым тактиком и храбрым полководцем.

Бросается в глаза еще одно обстоятельство: это явная демонстрация дружественного отношения молодого царя к ахейцам. В первой кампании, летом 219 г., Филипп вел себя иначе, он не откликнулся на их просьбы о помощи, оставаясь в Акарнании. Ахейцы, страдавшие от этолийских набегов, не провели ни одной самостоятельной акции. Теперь же македоняне воевали, фактически, ради них. Взятый штурмом Псофид был торжественно передан ахейцам, они ввели в крепость свой гарнизон (Polyb. IV.72.9). Им же был передан и Ласион (IV.73.2).

Что же касается Трифилии, то она отныне контролировалась македонянами. В Лепрее был поставлен македонский гарнизон, а наблюдателем за всей областью был оставлен акарнанец Ладик (Polyb. IV.80.15). Такая позиция царя вполне объяснима. Первый этап зимней кампании был направлен на восстановление союзнических отношений, которые находились под угрозой после игнорирования просьб ахейцев летом 219 г. Умиротворив основного партнера по союзу, Филипп стал действовать в своих интересах, создавая сферу македонского влияния на Пелопоннесе.

В свете предложенной интерпретации событий можно рассмотреть и позицию фигалейян. Их область была базой для этолийских пиратов и удобным плацдармом для вторжения в Мессению²⁹. После присоединения Трифилии к царю, эта область заявила о своей готовности перейти на его сторону, сюда был направлен царский уполномоченный по делам на Пелопоннесе Таврион с войском (IV.79.7; 80.2). Таким образом, в ходе данной кампании существенная часть земель на западе Пелопоннеса оказалась под контролем македонян. Более того, в труде Полибия нет ни одного недовольного высказывания историка по этому поводу. Вероятно, на первое место в тот момент вышло восхищение мастерски проведенными операциями и надежда на скорую победу.

Подводя итоги вышесказанному, можно отметить, что в ходе зимней кампании 219/8 г. македонский царь предстал в совсем ином свете и перед этолянами, и перед ахеянами. Он показал себя талантливым тактиком, удачливым полководцем, заботливым союзником и милосердным врагом (сдавшиеся этолийские отряды были отпущены по

---

²⁸ Мищенко Ф. Г. Указ. соч. С. 394, прим. 5: 10 стадий соответствуют 1 версте и 375 саженьям. Учитывая, что сажень – 2, 133 м, а верста – 1 080 м, то общая высота составит 1 880 м.

²⁹ Несмотря на то, что позиция Мессении послужила поводом к Союзнической войне, сами мессеняне на первых порах отказались от участия в ней. Свой отказ они мотивировали тем, что Фигадея – область на их границе и удобный плацдарм для действий против мессеняев – находится под контролем этолян (Polyb. IV.31.1).

домам). Иными словами, он больше не воспринимался как молодой и неопытный гегемон Эллинской лиги. Напротив, с этого момента Филипп V неуклонно начал осуществлять свою политику, которая не вполне совпадала с устремлениями других участников альянса.

**NATALIA YU. SIVKINA (NIZHNIJ NOVGOROD)
COMMANDING ABILITIES OF PHILIP V
DURING THE FIRST CAMPAIGNS OF THE SOCIAL WAR**

This article investigates the issue of the Macedonian king Philip V's conducting operations during the first campaigns against Aetolians in the Social War (220–217 B. C.). The campaigns of the summer of 219 B. C. in Acarnania and the winter of 219/8 B. C. in Peloponnese were very different. In the summer campaign Philip V was very cautious and unhurried, but in the winter campaign the king demonstrated his exceptional commanding abilities.